

УДК 821.161.1 + 82-1

М. Ф. Климентьева

Томск, Россия

**«В РУССКОМ ВКУСЕ ПОВЕСТЬ ДРЕВНЯЯ»:
МИФОЛЕГЕНДАРНЫЕ СЮЖЕТЫ
В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА**

Рассматриваются сюжеты из древней русской истории, положенные в основу значительного числа разножанровых произведений русской романтической литературы, а именно арзамасских поисков в жанре исторической поэмы и «Повестей Ивана Гудощника» Н. А. Полевого. Исследованный материал дает основания полагать, что легендарные сюжеты отражают адаптивную тенденцию к мифологизации национальной истории в культурном сознании русского человека.

Ключевые слова: мифологизация истории, исторический нарратив, легендарный сюжет.

Обращение русских литераторов – поэтов и прозаиков – к сюжетам из национальной истории достаточно известно и исследовано на разных уровнях осмысления истории русской литературы первой трети XIX в. Взаимные побуждения арзамасцев к созданию исторической поэмы, древней повести «в русском вкусе», и опыты в области исторической поэмы и прозы В. Жуковского (повесть «Вадим Новгородский», замысел поэмы «Владимир»), многочисленные «Думы» К. Рылеева, «Наталя, боярская дочь» Н. М. Карамзина, повесть «Оскольд» М. Н. Муравьева, стихотворение Д. Веневитинова «Новгород», баллада А. Подолинского «Предвещение», богатырская песня Н. Львова «Добрыня», замысел исторической поэмы «Рурик» К. Н. Батюшкова, роман Н. Полевого «Клятва при гробе Господнем», его же «Повести Ивана Гудощника» есть свидетельства несомненного интереса русских авторов к историческим личностям и событиям из русской истории. По мнению Ю. В. Манна, события, протекающие в историческом прошлом, «в своем существе антитетичны житейской прозе, обыкновенности быта, пошлости» [1, с. 362], т. е. историческое прошлое оппозиционно современному, настоящему, сегодняшнему времени. В известном трактате О. Сомова «О романтической поэзии» (1823 г.) историческое прошлое получает сущностно-национальную оценку: должное противопоставляется недолжному: «Россия до Владимира и при сем князе, во времена удельных княжений, под игом татар, при Иоаннах, в годину

Климентьева Маргарита Фёдоровна – кандидат филологических наук, учитель литературы Гуманитарного лицея города Томска (ул. Говорова, 50–69, Томск, 634057, Россия; mfk5811@gmatl.com; +7 (382 2) 76 35 56)

Сюжетология и сюжетология. 2014. № 2. С. 44–51.
© М. Ф. Климентьева, 2014

междоусобицы и при вступлении на престол династии Романовых заключает в себе по крайней мере столько же богатых предметов, сколько смутные времена старобытной Англии или Франции. Предметы сии совсем в другом роде: тем лучше, тем больше в них новости и, следовательно, прелести поэтической» [2, с. 558]. В предисловии к своему историческому труду Н. М. Карамзин писал, что история для него – «скрижаль откровений и правил; завет предков потомству», а «правители, законодатели действуют по указаниям истории <...>, чтобы учредить порядок, согласить выгоды людей и даровать им возможное на земле счастье» [3, с. 65]. Мнение Карамзина оказывается принципиально верным почти для всех его современников, причем не только потому, что на его фундаментальный труд как на источник авторитетных сведений опираются литераторы, но потому, что именно историческая память актуализирует самосознание общества, поддерживает глубокие ментальные установки и комплексы национального самосознания. «Принципиальное неразличение вымысла и фактов, баснословия и достоверности» [1, с. 365] является отличительным свойством всех произведений на историческую тему, созданных в 1800–1820-х гг. Таким образом, мифологизация русской истории приводит к появлению легендарных сюжетов баллад, поэм и повестей, создававшихся в это время, во многом сформировавших национальные исторические мифологемы и идеологемы.

Поскольку легенда есть приблизительный смысловой синоним мифа, легендарование сюжетов и мифологизация истории находятся в очевидной связи на уровне вложенного в легенду пафоса, как правило, пафоса социально-гражданского. Прежде всего, следует понимать мифологизацию сознания как неадекватное представление связей и отношений реальности в слове о русской истории. Однако вопрос о неизбежно возникающей в процессе мифологизации ложной шкале ценностей применительно именно к русским поэмам, повестям, балладам следует считать дискуссионным, поскольку «миф стремится к созданию ультразначений, к расширению первичной системы» [4, с. 100–101].

Мифологизация порождает специфический повествовательный текст, в котором именно легенда определяет парадигматику сюжетных элементов, иерархичных в сематическо-ценностном плане. Имя – Владимир, Святослав, Рюрик, Марфа Посадница, Вадим, Олег, Аскольд и прочие – это собственное имя, аналогичное мифологическому знаку. Мифологическое пространство легендарованного сюжета оказывается заполнено историческими именами, приобретающими в контексте произведения знаковое, а подчас и символическое значение. Владимир-креститель, Святослав – героический защитник русских земель, Михаил Тверской – защитник православной веры, Сусанин – спаситель рода Романовых, Богдан Хмельницкий, объединивший разобщенные братские славянские народы, и т. д. – примеры символизации истории, ее мифологизации.

В литературе перевод легендарованного текста на язык немифологического типа рождает метафорические конструкции, примером которых могут быть «Думы» К. Рыльева: «Олег Вещий», «Ольга при могиле Игоря», «Михаил Тверской», «Дмитрий Донской», «Богдан Хмельницкий», «Иван Сусанин», «Волинский», «Наталья Долгорукова» и др. В 1825 г. вышел составленный историком П. М. Строевым сборник «Дум» Рыльева, состоящий из 21 сюжетного стихотворения. До отдельного издания «Думы» публиковались в различных повременных изданиях 1822–1823 гг., например в журналах «Новости литературы» и «Сын отечества», а также в «Соревнователе просвещения и благотворения» и газете «Русский инвалид». «Думы» «Рогнеда», «Мстислав Удалой» и «Иван Сусанин» были опубликованы в «Полярной звезде» за 1823 г. Количество и частотность создания и публикации «Дум» прямо указывают на очевидный интерес поэта и будущего

политического радикала не просто к русской истории, но, прежде всего, к заметным историческим личностям и связанным с ними легендарным сюжетам.

Название своих произведений – думы – и собственно жанр Рылеев позаимствовал из народной украинской поэзии – это народные песни исторического характера, т. е. фольклорная жанровая конструкция уже несла в себе основания для легендаризации сюжета. Кроме того, тематическим источником для большинства «Дум» послужила «История Государства Российского» как единственный в 1820-е гг. исторический труд. По политическим взглядам Рылеев резко расходился с Карамзиным, однако национальная мифология исторического труда автором «Дум» была воспринята в полной мере. Карамзин строго различал исторический факт и легендарное предание, но, тем не менее, обращался к различного рода мифологемам как к части национального самосознания и культурной памяти, так как исторические интерпретации, превращение события или имени в легенду есть исторический опыт и историческая память народа и государства.

Задача Рылеева в «Думах», прежде всего, воспитательная: воспитание «сограждан подвигами предков», «напоминать юношеству о подвигах предков, знакомить его со светлейшими эпохами народной истории, сдружить любовь к отечеству с первыми впечатлениями памяти – вот верный способ для привития народу сильной привязанности к родине: ничто уже тогда сих первых впечатлений, сих ранних понятий не в состоянии изгладить. Они крепнут с годами и творят храбрых для бою ратников, мужей доблестных для совета» [5, с. 220]. Прямой воспитательный посыл звучит в думе «Святослав»:

Ему свод неба был шатром
И в летний зной, и в зимний холод, –
Земля под войлоком одром,
А пищею конина в голод.

«Друзья, нас бегство не спасет! –
Гремел герой на бранном поле, –
Позор на мертвых не падет;
Нам биться волей иль неволей...»

Сразимся ж, храбрые, смелей;
Не посрадим отчизны милой –
И груды вражеских костей
Набросим над своей могилой!» [5, с. 227].

Для «младого гусара», стоящего на часах «на высоте кургана», само имя Святослава становится знаком защиты отечества от врагов, легендарная фраза «мертвые сраму не имут» и «геройский дух» князя Святослава питают «к славе жар в сердцах» и «окрыляют наши войски»:

И рой наездников полка
На мусульман ударил мезью.
Враги смешались, дали тыл –
И поле трупами покрыли,
И русский знамя водрузил,
Где греков праотцы громили! [5, с. 228–229].

Однако прямое пересечение героического прошлого с настоящим в «Думах» встречается редко. Гораздо более продуктивным становится особый способ соз-

дания сюжета с опорой на легенду, на историческую мифологизированную память, отсекающую все возможности для усложнения, неоднородности образа исторического лица и связанного с ним сюжета. По сути, это фольклорный принцип создания художественного образа, имеющий единственную коннотативную характеристику: «Владимир-солнце», «Мстислав Удалой», «Олег Вещий», «Дмитрий Донской – первоначальник славы» и т. п. Показателен для «Дум» Рылеева отбор имен; это исторические деятели, в которых поэт склонен видеть пламенных патриотов, борцов с тиранией и иноземными захватчиками, погибающих за отечество. Субъективно-историческая трактовка легендарной фигуры, а равно и сюжет сражения с захватчиками, борьбы с несправедливостью и деспотизмом, гибели за веру вполне вписывается в поэтику романтизма, недаром, по мнению А. Бестужева, жанр думы «поместить должно в разряд чистой романтической поэзии» [6], так как «<...> дума не всегда есть размышление исторического лица, но более воспоминание автора о каком-либо историческом происшествии или лице, и нередко олицетворенный об оных рассказ» [7].

На фольклорный характер текста, более того, заимствованный из польской литературы (см. «Исторические гимны» Ю. Немцевича), указывал критик «Русского инвалида» К. (Кораблинский – А. Ф. Воейков. – М. К.) [8]. Таким образом, легендарные сюжеты и более чем вольно интерпретированные в художественных образах исторические лица отражали достаточно общую тенденцию к мифологизации истории, ее намеренного искажения, в случае с Рылеевым по причинам политического свойства. Недаром А. С. Пушкин отметил антиисторизм «Дум» и оценил стихотворения К. Рылеева вполне критически: «Что сказать тебе о думах? во всех встречаются стихи живые, окончательные строфы “Петра в Острогоске” чрезвычайно оригинальны. Но вообще все они слабы изобретением и изложением. Все они на один покрой: составлены из общих мест (Locis topicis). Описание места действия, речь героя и – нравоучение. Национального, русского нет в них ничего, кроме имен (исключаю “Ивана Сусанина”, первую думу, по коей начал я подозревать в тебе истинный талант). Ты напрасно не поправил в “Олеге” герба России. Древний герб, святой Георгий не мог находиться на щите язычника Олега; новейший, двуглавый орел есть герб византийский и принят у нас во времена Иоанна III, не прежде» [9, с. 143–144]. В письме к П. А. Вяземскому и Л. С. Пушкину оценка еще более резкая: «Зато “Думы” дрянь и название сие происходит от немецкого dummt, а не от польского, как казалось бы с первого взгляда» [9, с. 149]. Как представляется, внеисторизм, антиисторизм «Дум» объясняется именно сознательной опорой на легенду, причем, легенду, прошедшую, во-первых, через народно-поэтическое сознание, во-вторых, через романтическую рецепцию автора. Легендарные сюжеты в поэмах «в русском вкусе» становятся общим местом в литературе 1810–1820-х гг. и отражают характерную тенденцию времени.

Собственно «поэма славная, в русском вкусе повесть древняя» была одной из жанровых целей арзамасцев. О жанре поэмы в эстетике и творчестве арзамасцев, в частности о жанре исторической поэмы, написано достаточно, в том числе М. И. Гиллельсоном, В. С. Краснокутским, В. В. Вансловым, В. Э. Вацуро, Ю. В. Манном, Н. Ж. Вётшевой. Репрезентативной в этом смысле оказывается попытка создания эпической поэмы «Святослав» А. Ф. Воейковым, чей образ из послания Жуковскому «напиши поэму славную, в русском вкусе повесть древнюю <...>, будь наш Виланд, Ариост, Баян» и стал очевидным определением всех опытов арзамасцев в жанре исторической поэмы.

Маленькая поэма «Святослав» [10] не была исключением из ряда бесчисленных «Россиад», «Петриад», взятых из русской истории и русифицированных трагедий Озерова, Капниста, Княжнина, отражавших потребность общества в эпи-

ческом освоении русской истории. В этой поэме Воейкова было отражено синкретичное понимание русской истории как стихии, прошлое рассматривалось сквозь фольклорную призму, становилось легендарным, а потому антиисторичным. В. И. Резанов отмечал: «Немного мог почерпнуть автор “Святослава” из источников; в летописи читается несколько строк. <...> Воейкову пришлось самому придумать все подробности» [11, с. 22]. Но первая и единственная попытка обратиться к русской истории в жанре поэмы оказывается отражением мифологического сюжетосложения. Воейков придавал своей поэме судьбоносное значение: во-первых, «Святославу» предназначалось прославить своего творца и сделать А. В-ва, поэта из Рязани, знаменитым русским поэтом, во-вторых, Воейков желал увидеть в героическом прошлом духовное слияние нации и, поэтически воссоздав это прошлое, воздействовать на нравственное образование современников, на возвышение русской души, отсюда возвышенное обращение к соотечественникам, усиленное традиционным «пою»:

Великих праотцев, бесстрашных кровь героев,
Преславны множеством побед и грозных боев!
О знаменитые потомки тех славян,
Которых мощная навеки славна длань.
Внемлите! Восхищен, пою я Святослава! [10, с. 502].

Эту поэму автор хотел бы считать эпической, однако локальность эпизода из истории Киевской Руси, отсутствие панорамного, всеохватного взгляда на прошлое, а более всего внеисторический образ главного героя сделали «Святослава» «фактом литературы», а сюжет похода Святослава на хазар мифологизированным образцом псевдорусской поэзии.

Чтобы развернуть лаконичные строки летописи в эпическую картину русской истории, Воейкову явно не годились ни рационалистические принципы описания, ни сентиментальные углубления в мир человеческих переживаний в духе Оссиана или Макферсона, поэтому он выбрал третий путь эклектического соединения оссиановской героической поэмы с классицистическими и сентименталистскими художественными приемами, что привело к разрушению принципа исторической достоверности: сюжет разворачивается как бы вне времени и пространства:

Он рек – и меч ему, и войско поручил.
И гибель грозную противных крепких сил.
Вручил – и косными вошел на холм стопами.
Меж тем война кипит жарчай между рядами [10, с. 507].

Русская история утрачивала в поэме национальные черты («лавровый поднесла победа им венец»), распадалась идея связи времен. Действующие в поэме славяне, хазары, русские князья с русскими именами Громобой, Силослав, Ярополк, сам Святослав, были лишены примет национальности; национально-исторический склад характера оставался неразрешенным. Два состояния Святослава – возвышенно-героическое в бою и сентиментально-патетическое после боя – статичны и одноплановы, поскольку восходят к поэмам Оссиана и Макферсона. Однако показательна сама попытка воспроизвести в жанре поэмы один из самых мифологизированных сюжетов русской истории и запечатлеть в стихах едва ли не самую легендарную фигуру Древней Руси:

Великий Святослав! – ряды веков сокрылись,
Колоссы гордые, огромны развалились;

В прах пали статуи, пал мраморный чертог;
Но ты живешь в сердцах, о Росский полубог! [10, с. 512].

«Святослав» находился в контексте других национально-исторических произведений, реализовывавших идею эпического осмысления русской истории, поэма Воейкова приобретала качества фрагмента; локальный сюжет концентрировал смысл обращения к легендарной истории, стал своеобразным опережением интереса арзамасцев к русской истории на уровне мифологических сюжетов и имен.

Сюжеты национальных легенд, составивших основу исторических представлений о прошлом, опираются на несколько ключевых эпизодов: защита своей земли от иноземных захватчиков, защита веры от поругания иноверцами, героический подвиг самопожертвования, причем, как правило, героями легендарных сюжетов становятся крупные исторические личности, заметные своими деяниями; их имена метафоризируются, приобретают знаковый духоподъемный смысл. На этом общем фоне особым образом представлена позиция Н. А. Полевого, автора полемической по отношению к Карамзину «Истории русского народа».

«Святочные рассказы», повесть «Симеон Кирдяпа», а также «Повести Ивана Гудошника», в которые в числе остальных вошла под новым названием повесть о суздальском князе Симеоне, роман «Клятва при гробе Господнем» отличаются особой исторической концепцией, ориентированная в основном на исторические труды Гизо и Тьерри, продуманное соотношение фактов и вымысла («были и небылицы»), собственные способы создания исторического колорита. Для своих исторических произведений Полевой выбрал особое жанровое образование – *быль*, причем обосновал свое право на историческую правду: «Верная нить истории и повествований старинных поведет меня только там, где нет изъяснений истории, позволю себе аналогичное прибавление к известному. Русь, как она была, точная, верная картина ее – вот моя цель» [12]. Сюжеты исторических произведений Полевого близки их исторической основе настолько, что автор дает отдельным фразам героев в диалогах исторические ссылки на источники. Однако отнюдь не перечислением фактов занят автор; его задача – оживить историю, дать ей лицо и слово: «Воображаю себе, что с 1433-го по 1441-й год я живу на Руси, вижу главные лица, слышу их разговоры <...>, записываю, схватываю черты быта, характеров, речи, слова и все излагаю в последовательном порядке <...>: это история в лицах, романа нет; завязка и развязка не мои <...>. Пусть все живет, действует и говорит, как оно жило, действовало и говорило» [12]. Для исторических повестей Полевого характерны документальность фабулы, изображение эпохи в целом через диалоги героев, доминирующие над авторским повествованием. Однако сказанное далеко не означает, что установка на *быль*, на достоверность исключает мифологизацию исторического повествования, а сюжеты не имеют легендарной формы. Как только в повествовании появляется автор – исторический комментатор, эмоциональный свидетель событий, философ-историософ, происходит неизбежное превращение текста в этнокультурный символ. Реконструируя «особенности древней народности нашей», Полевой стремится к полной достоверности, однако персонажи используют готовые фольклорные формулы, евангельские постулаты, фантастические исторические и географические представления: «глас народа – глас Божий», «теперь простите, православные, и благодать божия да будет с вами», «так уж заведено теперь, что своим умом не жить, а жить чужим умом» [13].

Особое место в «Повестях Ивана Гудошника» занимает повесть «Пир Святослава Игоревича», имеющая специальный жанровый подзаголовок: византийская

легенда. Вымышленный, ориентированный на историческую легенду сюжет вбирает в себя описание древнего языческого Киева, самого князя Святослава, его пира, ратного поединка между печенежским ханом и норманном, а также состязания в певческом искусстве. В честном поединке победу одерживает печенег, но и его посрамит Святослав: «У нас не знают слова “нельзя”, а говорят – “сделай”» [13, с. 274], – и свернет в трубку серебряное блюдо. В песенном соревновании певцы «цитируют» «Слово о полку Игореве», Святослав воодушевляется пропетой славой Вещему Олегу и собирается зачерпнуть «шеломы воды Дуная широкого» [13, с. 283]. Святослав в изображении Полевого «был исполин, непобедимый при той силе, какую слова его возбуждали в сердцах его дружины и вождей!» [13, с. 284]. Реминисценции из «Слова», представляющие собой наиболее общие места культурно-исторической образности, придают «византийской легенде» о пире Святослава характер легенды, однако ориентированной, прежде всего, на культурную память нового времени; легендированный сюжет приобретает значение культурной метафоры: сюжеты национальных легенд со временем приобретают значимость «этнокультурных символов, близких и понятных представителям тех этнических культур, в контексте которых они сложились и функционировали» [14, с. 202]. Однако «вместо метафорического отождествления появляются сравнения, аналогии, ассоциации за счет известного смещения, «вытеснения». Воссоздается не строгая метафора, а некая соответствующая ей «атмосфера» [4, с. 111]. Именно атмосфера исторических поэм и повестей, создаваемых в первые десятилетия XIX в., определила появление национальных мифологем и в значительной степени идеологизировала историю.

Список литературы

1. Манн Ю. В. «Сие к далекому стремленью». Романтическая коллизия на исторической и народной почве // Манн Ю. В. Русская литература XIX века. М.: Изд-во РГГУ, 2007. 518 с.
2. Русские эстетические трактаты первой трети XIX века: В 2 т. М., 1974. Т. 2.
3. Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношении. М., 1991.
4. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М.: Вост. лит., 2000. 407 с.
5. Рылеев К. Ф. Думы / Декабристы: В 2 т. Л.: Худож. лит., 1975. Т. 1.
6. Бестужев А. (Марлинский). Взгляд на старую и новую словесность в России. URL: http://dugward.ru/library/lit/bestugev_vzglad.html
7. Бестужев А. (Марлинский) // Сын отечества. 1823. Ч. 83, № 4. С. 183–184.
8. Русский инвалид. 1823. № 4, статья за подписью «К».
9. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. М.: Наука, 1966. Т. 10.
10. Воейков А. Святослав // Иппокрена, или Утехи любословия на 1799. М., 1800. Ч. 6. С. 502–512.
11. Резанов В. И. Из разысканий о сочинениях В. А. Жуковского. Пг., 1916. Вып. 2.
12. Полевой Н. А. Клятва при гробе господнем. URL: http://modernlib.ru/books/nikolay_alekseevich_polevoy/klyatva_pri_grobe_gospodnem
13. Полевой Николай. Мечты и жизнь. М.: Сов. Россия, 1988.
14. Мыльников А. С. Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы: этногенетические легенды, догадки, протогипотезы XVI – начала XVIII века. СПб., 1996.

Климентьева М. Ф. «В русском вкусе повесть древняя»

M. F. Klimentyeva

Tomsk, Russian Federation

**«AN OLD TALE IN THE RUSSIAN STYLE»:
MYTH-AND-LEGEND PLOTS IN THE RUSSIAN LITERATURE
(1800–1830s)**

The paper investigates the Old Russian history plots as the basis for a lot of multigenre texts of the Russian literature (period of the Romanticism): the «Arzamas» experiences in the historical poem and «Ivan Gudoshnik's Tales» by N. A. Polevoy. The texts studies let us conclude, that the Russian cultural mind tends to mythologize the national history represented via the plots which involve historical facts accreted with legends.

Keywords: history mythologizing, historical narrative, legend adaptation.

Klimentyeva Margarita F. – PhD in Philology, Teacher of Literature of the Highest Degree, Tomsk Humanities Lyceum (Tomsk, 50, Govorova, 634057, Russian Federation; mfk5811@gmail.com; +7 (382 2) 76 35 56)